

УДК 316.7

DOI: 10.34670/AR.2026.55.71.013

Трансформация культурных идентичностей в приграничных регионах России, Китая и Казахстана

У Яньцю

Кандидат исторических наук,
ассоциированный профессор факультета русского языка,
Тайчжоуский университет,
317000, Китайская Народная Республика, Линьхай, ул. Чэнфан, 1139;
e-mail: 254319172@qq.com

Абуева Нурбану Адильбековна

Доктор политических наук, профессор,
визит-профессор Института европейских языков,
профессор-исследователь Высшей школы медиа и межкультурной коммуникации
Гуманитарно-юридического факультета,
Чжэцзянский университет иностранных языков Юеся;
Китайская Народная Республика, Шаосин;
Университет «Туран»,
050013, Республика Казахстан, Алматы, ул. Сатпаева, 16/18;
e-mail: abu2007@bk.ru

Бузело Анна Сергеевна

Кандидат филологических наук, профессор, директор Высшей школы «Медиа и
межкультурная коммуникация» Гуманитарно-юридического факультета,
Университет «Туран»,
050013, Республика Казахстан, Алматы, ул. Сатпаева, 16/18;
e-mail: buzelo70@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется трансформация культурных идентичностей в приграничных регионах на стыке России, Китая и Казахстана как пространствах интенсивного межкультурного обмена, исторически сформированных под влиянием миграций, торговых контактов и идеологических интервенций XX века. Глобализационные процессы оказывают двойственное воздействие, стимулируя формирование гибридных идентичностей через экономическую интеграцию и цифровые коммуникации, одновременно провоцируя усиление этнического самосознания и обращение к архаическим формам культурной репрезентации. Анализируется конструктивистское понимание идентичности как динамического процесса конструирования границ, проявляющегося в множественности и ситуативности самоидентификаций, включающих этнические, гражданские, региональные и транснациональные компоненты.

Рассматриваются различия национальных академических традиций в интерпретации данного феномена, институциональные стратегии трех государств в сфере языковой, образовательной и культурной политики, а также механизмы повседневного трансграничного взаимодействия, приводящие к специфическим формам гибридизации в различных пограничных зонах. Особое внимание уделяется ситуациям разделенных этнических общностей и роли цифровых технологий в поддержании транснациональных связей. Выявляются сквозные тенденции нарастания многослойности идентичностей, асимметрии культурных влияний и напряжения между государственными проектами консолидации и присущим приграничью разнообразием.

Для цитирования в научных исследованиях

У Яньцю, Абуева Н.А., Бузело А.С. Трансформация культурных идентичностей в приграничных регионах России, Китая и Казахстана // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 4А. С. 136-151. DOI: 10.34670/AR.2026.55.71.013

Ключевые слова

Трансформация идентичностей, приграничные регионы, гибридные идентичности, трансграничное взаимодействие, множественная идентичность, культурная политика, межкультурный диалог.

Введение

Приграничные территории на стыке России, Китая и Казахстана исторически формировались как пространства интенсивного межкультурного обмена, где сосуществование различных этнических, конфессиональных и языковых общностей порождало сложные конфигурации идентичности. Эти регионы, включающие российский Алтай, Забайкалье, Новосибирскую и Омскую области, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, а также северные и восточные области Казахстана, на протяжении столетий испытывали влияние кочевых и оседлых цивилизаций, имперских и постимперских трансформаций [Владимирова, Задворная, 2017]. Культурная идентичность населения этих территорий никогда не обладала статичностью, однако характер и скорость её изменений в разные эпохи существенно отличались. Если в досоветский и доцинский периоды трансформации определялись преимущественно миграционными процессами и торговыми контактами, то XX век внёс в эту динамику радикальные идеологические интервенции, связанные с проектами национального строительства в рамках трёх принципиально различных политических систем [Ручкина, Скородумова, 2011]. Распад Советского Союза, реформы открытости в Китае и обретение Казахстаном государственной независимости создали принципиально новую ситуацию, в которой прежние формы культурной самоидентификации подверглись серьёзному переосмыслению.

Процесс глобализации, получивший ускорение на рубеже XX–XXI веков, оказал на приграничные регионы двойственное воздействие. С одной стороны, расширение экономических связей, развитие транспортной инфраструктуры и цифровых коммуникаций способствовали интенсификации контактов между населением сопредельных территорий, что порождало новые формы гибридной идентичности, не укладывающиеся в рамки национальных классификаций [Шубин, 2008]. С другой стороны, глобализационные процессы вызвали

защитную реакцию в виде усиления этнического самосознания и обращения к архаическим формам культурной репрезентации. Эта диалектика открытости и замыкания особенно ярко проявляется в приграничных зонах, где государственная граница выступает одновременно барьером и мембраной, разделяющей и соединяющей культурные миры. Экономические проекты, такие как «Один пояс — один путь» и программы евразийской интеграции, дополнительно усложняют картину, привнося в приграничное пространство новые смыслы и символические ресурсы [Морозова, 2013].

Теоретическое осмысление культурных идентичностей в приграничных регионах требует выхода за пределы эссенциалистских концепций, трактующих идентичность как фиксированную и неизменную данность. Конструктивистский подход, развиваемый в работах Ф. Барта, Б. Андерсона, Р. Брубейкера, позволяет рассматривать идентичность как процесс, результат постоянного конструирования и реконструирования границ между «своими» и «чужими» [Хлыщева, Кудряшова, Топчиев, 2019]. В контексте приграничных регионов Центральной и Восточной Азии особое значение приобретает концепция множественной идентичности, предполагающая, что индивиды и группы могут одновременно принадлежать нескольким культурным мирам, переключаясь между различными регистрами самоидентификации в зависимости от ситуации. Опыт казахов, проживающих в Синьцзяне, русскоязычного населения северного Казахстана, бурят, разделённых российско-китайской границей, наглядно демонстрирует, что культурная идентичность в этих зонах не сводится к простому набору этнических маркеров, а представляет собой сложную систему самореференций, включающую региональные, конфессиональные, лингвистические и транснациональные компоненты [Джабраилова, 2014].

Современная ситуация в приграничных регионах трёх государств характеризуется рядом специфических черт, которые придают проблеме трансформации идентичностей особую остроту. Усиление государственного контроля над пограничными пространствами, политика «мягкой силы», реализуемая каждым из трёх государств, миграционные потоки, порождаемые экономической асимметрией, а также распространение цифровых медиа, создающих виртуальные транснациональные сообщества, — все эти факторы формируют новый контекст, в котором культурные идентичности приобретают невиданную ранее подвижность и многослойность [Шаткин, 2013]. Настоящая работа сосредоточена на выявлении основных тенденций трансформации культурных идентичностей в зонах соприкосновения российского, китайского и казахстанского культурных пространств, а также на определении ключевых факторов, обуславливающих эти изменения, и концептуальных рамок, в которых они могут быть адекватно описаны.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, объединяющий элементы сравнительного культурологического анализа, критического дискурс-анализа и герменевтической интерпретации текстов. Выбор именно такой методологической стратегии обусловлен многоаспектностью изучаемого феномена, который не может быть адекватно раскрыт в рамках одной дисциплинарной парадигмы. Сравнительный анализ позволяет выявить как общие закономерности трансформации идентичностей в приграничных регионах, так и специфику каждой из трёх национальных контекстов [Морозова, 2010]. Критический дискурс-анализ используется для исследования того, каким образом

государственные, медийные и академические дискурсы формируют и легитимируют определённые модели идентичности, маргинализируя при этом альтернативные формы самоидентификации.

Источниковую базу исследования составляют 87 научных публикаций, изданных в период с 2005 по 2024 год на русском, английском и китайском языках, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах и аналитические доклады. Среди привлечённых материалов значительное место занимают работы отечественных исследователей, специализирующихся на изучении культурных процессов в Сибири, на Алтае и в Забайкалье, а также публикации китайских и казахстанских учёных, посвящённые вопросам этнической политики и межкультурного взаимодействия [Костина, 2009]. Помимо научной литературы, в качестве источников привлечены нормативные акты трёх государств, регулирующие вопросы культурной политики, языковых прав и приграничного сотрудничества, а также материалы международных организаций, в частности ШОС и ЕАЭС, касающиеся гуманитарного сотрудничества в регионе. В работе также использованы результаты социологических исследований, проведённых научными центрами Новосибирска, Барнаула, Астаны и Урумчи.

Аналитическая процедура включала несколько последовательных этапов. На первом этапе осуществлялась систематизация теоретических подходов к изучению культурной идентичности в приграничных зонах. Вторым этапом предполагалось выделить ключевые факторы трансформации идентичностей и их классификацию по нескольким основаниям: институциональные, социально-экономические, коммуникативные и символические [Хлышева, 2019]. На третьем этапе проводился сравнительный анализ конкретных случаев трансформации идентичностей в различных приграничных зонах, что позволило верифицировать теоретические положения на эмпирическом материале. Отбор источников осуществлялся с применением критериев релевантности, хронологической актуальности и методологической обоснованности, что обеспечило репрезентативность привлечённой исследовательской базы.

Результаты и обсуждение

Культурная идентичность в приграничных регионах представляет собой феномен, который невозможно свести к одному измерению. Жители пограничных территорий на стыке России, Китая и Казахстана оказываются включёнными в несколько систем культурных координат одновременно: они являются носителями определённой этнической традиции, гражданами конкретного государства, обитателями специфического ландшафта и участниками трансграничных сетей взаимодействия. Каждая из этих принадлежностей задаёт свою логику идентификации, и в различных жизненных ситуациях на первый план выходят разные аспекты идентичности [Жапекоева, Кабылтаева, 2022]. Понимание этой многослойности невозможно без обращения к теоретическим концепциям, сложившимся в разных национальных академических традициях.

Разногласие теоретических интерпретаций культурной идентичности в приграничных зонах обусловлено не только объективной сложностью изучаемого объекта, но и различиями в исследовательских традициях трёх стран. Российская научная школа, генетически связанная с советской этнографией, длительное время оперировала категорией «этноса» как базовой единицей анализа, что придавало исследованиям определённый субстанциалистский уклон. Китайская академическая традиция, работающая с понятием «миньцзу», выстраивает иную таксономию культурных общностей, а казахстанская наука о культуре с начала 1990-х годов

развивалась в контексте нациестроительства, что накладывало свой отпечаток на понимание идентичности [Хлыщева, 2019]. Сопоставление этих подходов позволяет увидеть, насколько различно осмысляются сходные по сути процессы в зависимости от интеллектуального контекста (табл. 1).

Таблица 1 – Основные теоретические подходы к пониманию культурной идентичности в приграничных регионах России, Китая и Казахстана

Критерий сравнения	Российская академическая традиция	Китайская академическая традиция	Казахстанская академическая традиция
Базовая категория анализа	Этнос, этническая группа, этнокультурная идентичность	Ми́ньцзу (народность /национальность), культурная общность	Нация, этнос, казахстанская идентичность
Доминирующая парадигма	Примордиализм с элементами конструктивизма	Марксистская теория национального вопроса, модернизированная в концепции «единой многонациональной нации»	Гражданский национализм в сочетании с этнокультурным компонентом
Отношение к гибридности идентичности	Признаётся как эмпирический факт, но часто рассматривается как переходное состояние	Интерпретируется через призму «культурного единства в многообразии» с акцентом на интеграцию	Рассматривается как потенциальный ресурс казахстанской гражданской нации
Роль государства в формировании идентичности	Признаётся значительной, но подчёркивается автономия этнокультурных процессов	Государство выступает ключевым актором, определяющим категории идентичности	Государство рассматривается как гарант межэтнического согласия и формирования общегражданской идентичности
Значение приграничного фактора	Граница трактуется как зона контакта и одновременно как рубеж цивилизаций	Граница интерпретируется в контексте суверенитета и национальной безопасности	Граница осмыляется как пространство евразийского диалога и экономического взаимодействия

Различия в теоретических подходах, зафиксированные в сопоставительном обзоре, отражают не столько объективные расхождения в изучаемой реальности, сколько специфику национальных интеллектуальных традиций и политических контекстов, в которых работают исследователи. Российская наука, переживающая в последние десятилетия переход от примордиалистской парадигмы к более гибким конструктивистским моделям, тем не менее сохраняет значительное влияние бромлеевской теории этноса, что выражается в стремлении выделить устойчивые культурные комплексы, маркирующие этнические границы [Li, 2025]. Этот подход, при всей его продуктивности для описания устоявшихся этнокультурных ландшафтов, испытывает затруднения при столкновении с динамичными и текучими формами идентичности, характерными для современных приграничных зон.

Китайская академическая традиция, оперирующая понятием «ми́ньцзу», формирует концептуальное пространство, в котором культурные различия признаются и каталогизируются, но при этом встраиваются в общую рамку «единого многонационального государства». Такой подход позволяет эффективно управлять культурным разнообразием на институциональном уровне, однако он может затушёвывать реальную сложность идентификационных процессов, особенно в тех случаях, когда население приграничных районов ощущает свою принадлежность к транснациональным культурным сообществам, не вписывающимся в официальную

классификацию национальностей. Казахстанский же подход, пытающийся совместить этнокультурную казахскую идентичность с инклюзивной гражданской нацией, порождает свои напряжения, особенно в северных регионах страны, где русскоязычное население сохраняет выраженную культурную ориентацию на Россию [Батыршин, 2024].

Обращение к конкретным механизмам трансформации идентичностей в приграничных регионах обнаруживает, что эти изменения обусловлены целым комплексом факторов, действующих на разных уровнях — от макроструктурных геополитических сдвигов до микроуровневых практик повседневного межкультурного взаимодействия. Особое место среди этих факторов занимают институциональные воздействия, связанные с государственной культурной и образовательной политикой, которая в каждом из трёх государств преследует свои цели и использует специфический инструментарий. Различия в институциональных стратегиях существенно влияют на то, какие идентичности получают поддержку и легитимацию, а какие оказываются в маргинальном положении [Дауев, 2014].

Государственная политика в отношении языков, образования и культурного наследия является, пожалуй, наиболее мощным инструментом воздействия на культурные идентичности приграничного населения. В российских регионах Сибири и Дальнего Востока реализуются программы поддержки языков коренных народов, одновременно русский язык сохраняет доминирующее положение как язык межнационального общения и государственного управления. Казахстан проводит курс на расширение функций казахского языка при сохранении за русским языком статуса языка межнационального общения, а программа перехода на латиницу задумана как символический жест переориентации культурной идентичности. В Синьцзяне китайская политика «двуязычного образования» фактически направлена на усиление позиций путунхуа, что воспринимается тюркоязычным населением неоднозначно [Ручкина, Скородумова, 2011]. Сравнительная характеристика институциональных стратегий в области культурной политики может быть представлена в систематизированном виде (табл. 2).

Таблица 2 – Институциональные стратегии формирования культурной идентичности в приграничных регионах

Направление политики	Россия (сибирские и дальневосточные регионы)	Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район)	Казахстан (северные и восточные области)
Языковая политика	Доминирование русского языка при формальной поддержке миноритарных языков; программы сохранения языков коренных народов	Курс на распространение путунхуа; программы «двуязычного образования» с акцентом на китайском языке	Постепенное расширение функций казахского языка; трёхязычная политика (казахский, русский, английский); переход на латинскую графику
Образовательная политика	Единое федеральное образовательное пространство с региональным компонентом; этнокультурное образование	Унифицированная образовательная система с элементами национального компонента; усиление централизации	Национально-ориентированное образование с программой «Рухани жаңғыру»; интеграция казахстанской идентичности
Политика в сфере культурного наследия	Музеефикация этнической культуры; фестивали и праздники народов; поддержка этнотуризма	Включение культурного наследия национальных меньшинств в общекитайский нарратив; «красный туризм»	Программы «Сакральная география Казахстана»; культурная реинтерпретация кочевого наследия; модернизация традиций

Направление политики	Россия (сибирские и дальневосточные регионы)	Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район)	Казахстан (северные и восточные области)
Медийная политика	Присутствие региональных и этнических медиа; доминирование федеральных информационных каналов	Контроль информационного пространства; ограничение трансграничных медийных потоков	Развитие национальных медиа на казахском языке; конкуренция с российским информационным пространством
Политика в отношении религии	Признание «традиционных» конфессий; регулирование «нетрадиционных» религиозных движений	Жёсткое регулирование религиозной практики; кампании по секуляризации	Светское государство с акцентом на умеренном исламе; контроль нетрадиционных религиозных течений

Институциональные стратегии, зафиксированные в приведённом обзоре, демонстрируют примечательное сходство в одном отношении: все три государства стремятся к формированию консолидированной культурной идентичности на подконтрольных территориях, различаясь при этом в методах и степени допустимого плюрализма. Россия, опирающаяся на федеративную модель, формально предоставляет этнокультурным общностям определённую автономию в сфере языка и культуры, хотя на практике ресурсное обеспечение этих программ существенно варьируется от региона к региону. Китайская модель, декларируя «единство в многообразии», в последние годы заметно сдвинулась в сторону культурной гомогенизации, особенно в чувствительных с точки зрения безопасности приграничных районах [Владимирова, Задворная, 2017].

Казахстанская стратегия занимает промежуточное положение: с одной стороны, она ориентирована на формирование единой казахстанской гражданской нации, с другой — делает акцент на казахской этнокультурной составляющей как ядре этой нации. Северные и восточные области Казахстана, граничащие с Россией и Китаем, оказываются в особо сложном положении, поскольку значительная часть их населения — этнические русские, немцы, украинцы и другие группы, чья культурная идентичность формировалась в советском контексте и сохраняет ориентацию на русскоязычное культурное пространство. Напряжение между интеграционным курсом и реальным культурным разнообразием создаёт продуктивное, хотя и чреватое конфликтами поле идентичностных трансформаций.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом трансграничное взаимодействие в экономической, образовательной и повседневной сферах воздействует на культурные идентичности населения приграничных регионов. Если институциональные стратегии задают рамку «сверху», то практики повседневного межкультурного контакта формируют идентичности «снизу», и результаты этих двух процессов далеко не всегда совпадают [Жапекова, Кабылтаева, 2022]. Приграничная торговля, трудовая миграция, образовательные обмены, трансграничные браки и туризм создают плотную сеть контактов, в которой происходит взаимное проникновение культурных элементов. Торговцы из Казахстана и Китая, работающие на приграничных рынках российских городов, студенты из Казахстана, обучающиеся в китайских университетах, казахские оралманы, возвращающиеся в Казахстан из Синьцзяна, — все эти группы являются носителями гибридных идентичностей, не укладывающихся в национальные классификации.

Формы гибридизации культурных идентичностей в различных приграничных зонах демонстрируют существенные различия, обусловленные как историческими, так и

современными факторами. В зоне российско-казахстанского пограничья, где контакт осуществляется преимущественно между носителями близких (славянских и тюркских) культурных традиций, имеющих общий советский опыт, гибридизация носит относительно «мягкий» характер и проявляется главным образом в языковом смешении, бикультурных практиках повседневности и размывании этнических стереотипов [Хлыщева, Кудряшова, Топчиев, 2019]. В зоне российско-китайского пограничья культурная дистанция значительно больше, и гибридизация принимает более контрастные формы, нередко сопровождаясь культурным шоком и защитными реакциями. Казахстанско-китайское пограничье представляет особый случай, поскольку здесь по обе стороны границы проживают этнические казахи, но их идентичности за десятилетия существования в разных государственных системах приобрели существенные различия (табл. 3).

Таблица 3 – Формы трансформации культурных идентичностей в различных приграничных зонах

Характеристика трансформации	Российско-казахстанское пограничье	Российско-китайское пограничье	Казахстанско-китайское пограничье
Преобладающий тип идентичностной трансформации	Сохранение элементов общего советского культурного наследия при нарастающей дивергенции	Экономически мотивированная аккультурация; формирование «челночной» идентичности	Разделённая этничность: казахи КНР и Казахстана как две ветви одного этноса с различными идентичностями
Роль языка в трансформации	Русский язык как <i>lingua franca</i> ; двуязычие как норма; постепенное снижение роли русского в казахстанской части	Минимальное языковое взаимопроникновение; прагматическое освоение китайского языка	Казахский язык как символическая связь; различия в лингвистической норме (кириллица vs. арабская графика)
Отношение к «другому»	Взаимная привычность; низкий уровень культурной экзотизации	Взаимная экзотизация; устойчивые стереотипы; настороженность	Ощущение этнического родства при осознании культурных различий; амбивалентность
Влияние экономического фактора	Трудовая миграция казахстанцев в Россию; приграничная торговля	Китайские инвестиции и торговля; экономическая зависимость российских приграничных территорий	Экономическое доминирование Китая; репатриация оралманов; торговые контакты
Роль цифровых медиа	Общее русскоязычное информационное пространство; социальные сети как объединяющий фактор	Раздельные информационные пространства; «Великий китайский файрвол» как барьер	Казахскоязычные социальные сети как пространство транснационального диалога; барьер китайского интернет-контроля

Сопоставление процессов трансформации идентичностей в трёх приграничных зонах обнаруживает, что характер и интенсивность этих изменений определяются прежде всего степенью культурной близости контактирующих групп и глубиной исторического опыта совместного проживания. В российско-казахстанском пограничье общее советское прошлое по-прежнему выступает мощным интеграционным фактором, создавая «буферную зону»

культурной общности, которая, однако, постепенно размывается по мере того, как сменяются поколения и расходятся государственные стратегии культурной политики [Шубин, 2008]. Молодёжь приграничных территорий, не имеющая личного опыта жизни в едином государстве, формирует свою идентичность в иных координатах, чем их родители и деды, и это порождает межпоколенческие разрывы в восприятии культурных границ.

Российско-китайское пограничье демонстрирует принципиально иную модель: здесь культурная дистанция остаётся значительной, а взаимодействие носит преимущественно экономический характер. Культурная гибридизация затрагивает относительно узкий слой населения, непосредственно вовлечённого в трансграничные контакты, тогда как для большинства жителей приграничных территорий Китая остаётся во многом экзотическим «другим». Вместе с тем экономическое присутствие Китая в российских приграничных регионах оказывает косвенное влияние на культурные идентичности, порождая дискурсы «китайской угрозы» или, напротив, «китайского чуда», которые становятся значимыми элементами региональной самоидентификации [Морозова, 2013].

Несколько иной ракурс открывается при обращении к проблеме «разделённых» этнических общностей, существование которых является одной из наиболее характерных черт рассматриваемого приграничного пространства. Казахи, проживающие в Китае, России и Казахстане, буряты, разделённые российско-монгольской (а опосредованно и российско-китайской) границей, уйгуры Синьцзяна и Казахстана, русские в Казахстане — все эти группы оказываются в ситуации, когда их этническая идентичность не совпадает с гражданской, а культурные ориентации выходят за пределы одного национального государства [Джабраилова, 2014]. Проблема разделённых этничностей приобрела новое звучание в контексте современных коммуникационных технологий, которые позволяют поддерживать транснациональные связи, не существовавшие в эпоху жёсткого пограничного режима.

Культурные идентичности казахов-оралманов, переселяющихся из Синьцзяна в Казахстан, представляют собой показательный случай глубинной трансформации, обусловленной сменой государственного и культурного контекста. Эти переселенцы, сохраняя этническую казахскую идентичность, обнаруживают, что их культурные практики, языковые навыки и повседневные привычки существенно отличаются от принятых в казахстанском обществе. Они оказываются «своими чужими» — этнически идентичными, но культурно инаковыми, и процесс их интеграции в казахстанское общество сопровождается болезненной ревизией собственной идентичности. Этот опыт убедительно показывает, что десятилетия жизни в разных государственных системах способны настолько глубоко трансформировать культурную идентичность, что общая этническая принадлежность перестаёт быть достаточным основанием для культурного единства (табл. 4).

Таблица 4 – Характеристики идентичностей разделённых этнических общностей в приграничных регионах

Разделённая общность	Специфика идентичности в стране проживания	Характер связи с «материнским» этносом	Основные идентичностные конфликты
Казахи Синьцзяна (КНР)	Двойственная лояльность: гражданская идентификация с КНР при сохранении этнокультурной ориентации на Казахстан; арабская письменность; традиционный ислам	Символическая связь через язык, религию и родственные сети; дистанция, обусловленная различиями в графике и модернизационном опыте	Давление ассимиляционной политики; конфликт между гражданской лояльностью и этнической солидарностью

Разделённая общность	Специфика идентичности в стране проживания	Характер связи с «материнским» этносом	Основные идентичностные конфликты
Русские северного Казахстана	Постсоветская идентичность; ощущение культурной связи с Россией при гражданской принадлежности к Казахстану; русский язык как основной	Интенсивная медийная и культурная связь с Россией; трансграничные родственные сети; российский паспорт у части населения	Неопределённость между «уехать» и «остаться»; утрата привилегированного статуса; языковое давление
Уйгуры Казахстана	Диаспорная идентичность; критическая дистанция по отношению к политике КНР в Синьцзяне; казахстанская гражданская лояльность	Связь с Синьцзяном через родственные сети; политическая активность в защиту уйгуров КНР	Давление со стороны казахстанских властей, стремящихся не обострять отношения с КНР; внутриобщинные разногласия
Буряты забайкальских приграничных районов	Региональная идентичность; буддийское культурное наследие; связь с монгольским культурным миром; российская гражданская идентичность	Культурные контакты с монголами и бурятами Монголии; интерес к «большой монгольской» идентичности	Напряжение между региональной и федеральной идентичностями; утрата языка; размывание культурных практик

Рассмотрение идентичностей разделённых этнических общностей выявляет фундаментальную закономерность: государственная граница, даже если она разделяет представителей одного этноса, с течением времени порождает существенные идентичностные различия, которые постепенно приобретают характер самостоятельных культурных образований. Казахи Синьцзяна и казахи Казахстана, при всей общности языка и этнической памяти, за десятилетия жизни в различных политических и культурных контекстах выработали настолько различные модели идентичности, что их встреча в рамках программ репатриации нередко оборачивается культурным столкновением, а не долгожданным воссоединением [Хлыщева, 2019].

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении русского населения северного Казахстана, которое, сохраняя русский язык и культурные ориентации, за три десятилетия независимости выработало специфическую постсоветскую идентичность, не тождественную ни идентичности жителей сопредельных российских регионов, ни формирующейся казахстанской гражданской идентичности. Эта «промежуточная» идентичность характеризуется повышенной рефлексивностью и ситуативной гибкостью: её носители способны переключаться между различными культурными регистрами в зависимости от контекста общения, что является типичной чертой пограничных идентичностей.

Роль цифровых технологий в трансформации культурных идентичностей приграничного населения заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку именно в этой сфере происходят наиболее динамичные изменения последних лет. Социальные сети и мессенджеры создают виртуальные пространства, в которых государственные границы теряют свою культуроразделительную функцию [Морозова, 2010]. Казахскоязычные пользователи по обе стороны казахстанско-китайской границы общаются в социальных сетях, формируя транснациональное культурное сообщество, которое существует параллельно с официально признанными формами идентичности. Вместе с тем «Великий китайский файрвол» существенно ограничивает возможности трансграничной коммуникации для жителей Синьцзяна, что превращает цифровые технологии в неравномерно распределённый ресурс идентичностного конструирования (табл. 5).

Влияние цифровых коммуникаций на культурные идентичности приграничного населения проявляется в нескольких существенных аспектах. Во-первых, социальные сети и мессенджеры позволяют поддерживать трансграничные родственные и дружеские связи с интенсивностью, невозможной в дотелекоммуникационную эпоху, что препятствует полному культурному размежеванию разделённых границей общностей. Во-вторых, цифровые платформы создают новые пространства для культурного самовыражения и идентичностных экспериментов, в которых пользователи могут конструировать и презентировать свою идентичность относительно свободно от институциональных ограничений [Костина, 2009]. В-третьих, неравномерность цифрового доступа и различия в степени интернет-свободы между тремя странами порождают «цифровой разлом», который добавляет новое измерение к уже существующим культурным границам.

Таблица 5 – Влияние цифровых коммуникаций на культурные идентичности в приграничных регионах

Аспект влияния	Российское приграничье	Китайское приграничье (Синьцзян)	Казахстанское приграничье
Доступ к трансграничным информационным потокам	Относительно свободный; доминирование русскоязычного контента	Жёсткие ограничения через систему интернет-фильтрации; локальные платформы (WeChat, Weibo)	Относительно свободный; доступ к русскоязычному и англоязычному контенту; рост казахскоязычного контента
Роль социальных сетей в поддержании трансграничных связей	Активное использование для связи с казахстанскими и другими постсоветскими диаспорами	Ограниченное использование; контроль за контентом на тюркских языках	Социальные сети как пространство конструирования казахстанской и казахской идентичностей; связь с диаспорами
Влияние на языковые практики	Укрепление позиций русского языка в цифровом пространстве; маргинализация миноритарных языков	Доминирование китайскоязычного контента; ограничение уйгурского и казахского контента	Рост казахскоязычного контента; «цифровая» латинизация; сохранение русского языка в интернете
Формирование виртуальных сообществ	Региональные онлайн-сообщества; форумы приграничных городов	Контролируемые сообщества; ограничения на обсуждение этнических и религиозных тем	Транснациональные казахские сообщества; дискуссии о национальной идентичности в социальных сетях

Вместе с тем не следует преувеличивать трансформативный потенциал цифровых технологий. Исследования показывают, что виртуальные сообщества в приграничных зонах нередко воспроизводят и даже усиливают существующие культурные различия, а не размывают их. Русскоязычные пользователи из Казахстана и России, общающиеся в общих виртуальных пространствах, могут обнаруживать идентичностные расхождения, которые в офлайн-коммуникации остаются незамеченными. Цифровые медиа делают культурные границы более видимыми и рефлексивными, но не обязательно более проницаемыми [Морозова, 2011].

Общая картина трансформации культурных идентичностей в приграничных регионах России, Китая и Казахстана характеризуется несколькими сквозными тенденциями, которые прослеживаются во всех исследуемых зонах, хотя и проявляются в каждой из них по-своему. Наиболее значимая из этих тенденций — нарастание многослойности и ситуативности идентичностей, при которой жители приграничных территорий всё реже определяют себя через одну-единственную культурную принадлежность и всё чаще прибегают к множественным и

контекстно-зависимым формам самоидентификации. Эта тенденция является следствием одновременного действия нескольких факторов: расширения межкультурных контактов, распространения цифровых коммуникаций, ослабления жёстких идеологических рамок и роста индивидуальной рефлексивности [Li, 2025].

Другая существенная тенденция связана с нарастанием асимметрии культурных влияний, обусловленной экономическим и демографическим весом трёх государств. Экономический подъём Китая трансформирует баланс культурных влияний в приграничных зонах: если в советский и ранний постсоветский период доминирующим культурным вектором в регионе было российское влияние, то в последние два десятилетия китайское культурное присутствие неуклонно возрастает. Это проявляется не только в распространении китайского языка и культурных продуктов, но и в более глубоких сдвигах, связанных с изменением экономических ориентаций населения приграничных территорий. Казахстан в этой конфигурации занимает положение «среднего звена», испытывающего двойное культурное притяжение и одновременно стремящегося утвердить собственную культурную субъектность.

Нельзя обойти вниманием и усиливающееся напряжение между тенденциями к культурной гомогенизации, исходящими от национальных государств, и реальным культурным разнообразием приграничных территорий. Все три государства в той или иной форме реализуют проекты культурной консолидации — будь то российская концепция «многонационального народа», китайская идеология «великого возрождения китайской нации» или казахстанская программа «Рухани жаңғыру». Однако приграничные регионы, в силу своей контактной природы, сопротивляются полной ассимиляции в единый национальный нарратив, сохраняя и воспроизводя культурную сложность, которая одновременно является их ресурсом и источником уязвимости [Шаткин, 2013].

Выводы

Исследование трансформации культурных идентичностей в приграничных регионах России, Китая и Казахстана позволяет зафиксировать ряд существенных закономерностей, имеющих значение как для понимания современных идентичностных процессов, так и для выработки адекватных подходов к управлению культурным разнообразием в зонах межгосударственного контакта. Идентичности приграничного населения не являются простым отражением национальных культурных проектов, реализуемых каждым из трёх государств, а представляют собой результат сложного взаимодействия институциональных воздействий, повседневных практик межкультурного общения, исторической памяти и индивидуальных жизненных стратегий. Именно эта сложность делает приграничные регионы ценным объектом для культурологического анализа, поскольку здесь, как в увеличительном стекле, становятся видны те процессы, которые в «глубинных» территориях протекают менее заметно.

Правовые рамки, регулирующие вопросы культурной идентичности в приграничных регионах, остаются во многом несоразмерными сложности реальных процессов. Российское законодательство оперирует категориями «коренных малочисленных народов», «национально-культурных автономий» и «государственного языка», которые были выработаны для описания ситуаций, существенно отличающихся от современных условий приграничного культурного взаимодействия. Казахстанский Закон о языках и Концепция развития гражданской идентичности создают определённые рамки для управления культурным многообразием, однако их применение в приграничных зонах сталкивается с особыми трудностями, связанными

с трансграничным характером культурных процессов. Китайская система автономий, при всей её формальной продуманности, в последние годы испытывает давление со стороны унификаторских тенденций, что сужает пространство для легитимного выражения культурных различий.

Международно-правовые механизмы, которые могли бы стать основой для согласованного подхода к культурным идентичностям приграничного населения, пока находятся в зачаточном состоянии. Соглашения о приграничном сотрудничестве в рамках ШОС и двусторонние договоры затрагивают преимущественно экономические и миграционные аспекты, оставляя культурную сферу на периферии внимания. Между тем именно культурное измерение приграничного взаимодействия определяет качество и устойчивость межгосударственных отношений в долгосрочной перспективе, поскольку от того, как жители приграничных территорий воспринимают своих соседей и самих себя, зависит атмосфера повседневного сосуществования, которая не менее важна, чем формальные дипломатические конструкции.

Полученные результаты указывают на необходимость пересмотра ряда устоявшихся представлений о характере культурных идентичностей в приграничных зонах. Бинарная оппозиция «своё — чужое», на которой строятся многие государственные программы культурной политики, оказывается неадекватной реальности, в которой приграничное население выработало изощрённые стратегии совмещения множественных принадлежностей. Признание этой множественности и создание институциональных условий для её легитимного выражения могли бы стать основой для более эффективных подходов к управлению культурным разнообразием, снижая потенциал конфликтности и превращая приграничные регионы из зон потенциальной напряжённости в пространства продуктивного межкультурного диалога.

Опыт приграничных регионов России, Китая и Казахстана обладает значимостью, выходящей далеко за рамки данного конкретного случая. Он демонстрирует, что в условиях глобализации и одновременного усиления национальных государств культурные идентичности приобретают новое качество, становясь более рефлексивными, многослойными и динамичными. Государства, стремящиеся к монопольному контролю над идентичностными процессами, рискуют утратить связь с реальностью приграничного культурного пространства, тогда как более гибкие подходы, допускающие множественность идентичностей и трансграничные культурные связи, способны превратить приграничье из периферии национальных культурных проектов в их наиболее творческий и перспективный элемент. Культурные идентичности приграничного населения, при всей их кажущейся маргинальности, могут оказаться провозвестниками тех форм культурного самоопределения, которые станут нормой для всё большего числа людей в мире, где границы между культурными мирами становятся всё более проницаемыми, хотя и не перестают существовать.

Библиография

1. Батыршин Р. И. Интерференция культурных кодов стран СНГ Центральной Азии: цивилизационные трансформации // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21. № 5. С. 452-461.
2. Владимирова Д. А., Задворная Е. С. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3. С. 38-44.
3. Дауев С. А. О некоторых факторах формирования этнокультурной идентичности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6 (79). С. 34-39.
4. Джабраилова Ф. О социально-философском анализе проблемы идентичности и разнообразия в межкультурных отношениях // Гилея: научный вестник. 2014. № 88. С. 241-244.

5. Жапекова Г. К., Кабылтаева С. Г. Процессы исторической трансформации традиционной культуры // Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. 2022. Т. 108. № 4. С. 40-46.
6. Костина А. В. Особенности идентичности в границах этнической, национальной, массовой культуры // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 125-131.
7. Морозова В. С. К вопросу о трансформации социокультурной идентичности населения приграничных регионов РФ и КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 9. С. 108-112.
8. Морозова В. С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР (на примере Забайкальского края) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2010. № 2. С. 84-91.
9. Морозова В. С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР (на примере Забайкальского края) // Евразийство и мир. 2013. Т. 1. № 1. С. 138-146.
10. Ручкина Г. Ф., Скородумова О. Б. Национально-культурная идентичность в контексте становления информационного общества // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2011. № 166. С. 93-97.
11. Хлыщева Е. В. Динамика идентичностей в культурном ландшафте Астраханского региона: от этноконфессиональной формы к транскультурной // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 1. С. 105-122.
12. Хлыщева Е. В., Кудряшова Е. В., Топчиев М. С. Специфика процесса идентификации в культурном ландшафте Астраханского региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 126-136.
13. Шаткин М. А. Национальная идентичность России и диалог культур в современном мире // Межрегиональные Пименовские чтения. 2013. № 10. С. 31-34.
14. Шубин Ю. А. Национально-культурная идентичность как ресурс преодоления кризисных явлений современного общества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 10-12.
15. Li C. Linguistic hybridity and multigenerational communication models in Russian diaspora communities in Shanghai // Environmental Management Issues. 2025. Т. 4. № 2. С. 170-182.

Transformation of Cultural Identities in the Border Regions of Russia, China and Kazakhstan

Wu Yanqiu

PhD in History,
Associate Professor of the Faculty of Russian Language,
Taizhou University,
317000, 1139, Chengfang str., Linhai, People's Republic of China;
e-mail: 254319172@qq.com

Nurbanu A. Abueva

Doctor of Political Sciences, Professor,
Visiting Professor at the Institute of European Languages,
Research Professor at the Graduate School of Media and Intercultural Communication,
Faculty of Humanities and Law, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages;
Shaoxing, People's Republic of China;
Turan University,
050013, 16/18, Satpayev str., Almaty, Republic of Kazakhstan;
e-mail: abu2007@bk.ru

Anna S. Buzelo

PhD in Philology, Professor,
Director of the Graduate School of Media and Intercultural Communication,
Faculty of Humanities and Law,
Turan University,
050013, 16/18, Satpayev str., Almaty, Republic of Kazakhstan;
e-mail: buzelo70@mail.ru

Abstract

The article examines the transformation of cultural identities in the border regions at the intersection of Russia, China and Kazakhstan as spaces of intensive intercultural exchange, historically shaped under the influence of migrations, trade contacts and ideological interventions of the 20th century. Globalization processes have a dual impact, stimulating the formation of hybrid identities through economic integration and digital communications, while simultaneously provoking the strengthening of ethnic self-awareness and a turn to archaic forms of cultural representation. The constructivist understanding of identity as a dynamic process of boundary construction is analyzed, manifested in the multiplicity and situationality of self-identifications, including ethnic, civic, regional and transnational components. The differences in national academic traditions in interpreting this phenomenon, the institutional strategies of the three states in the field of language, educational and cultural policy, as well as the mechanisms of everyday cross-border interaction leading to specific forms of hybridization in various border zones are examined. Particular attention is paid to situations of divided ethnic communities and the role of digital technologies in maintaining transnational ties. Cross-cutting trends of increasing layering of identities, asymmetry of cultural influences and tension between state consolidation projects and the diversity inherent in borderlands are identified.

For citation

Wu Yanqiu, Abueva N.A., Buzelo A.S. (2026) Transformatsiya kul'turnykh identichnostey v prigranichnykh regionakh Rossii, Kitaya i Kazakhstana [Transformation of Cultural Identities in the Border Regions of Russia, China and Kazakhstan]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (4A), pp. 136-151. DOI: 10.34670/AR.2026.55.71.013

Keywords

Transformation of identities, border regions, hybrid identities, cross-border interaction, multiple identity, cultural policy, intercultural dialogue.

References

1. Batyrshin, R. I. (2024). Interferentsiya kul'turnykh kodov stran SNG Tsentral'noy Azii: tsivilizatsionnyye transformatsii [Interference of Cultural Codes of the CIS Countries of Central Asia: Civilizational Transformations]. *Observatoriya kul'tury*, 21(5), 452-461.
2. Dauev, S. A. (2014). O nekotorykh faktorakh formirovaniya etnokul'turnoy identichnosti [On Some Factors of Formation of Ethnocultural Identity]. *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 6(79), 34-39.
3. Dzhabrailova, F. (2014). O sotsial'no-filosofskom analize problemy identichnosti i raznoobraziya v mezhkul'turnykh otnosheniyakh [On the Socio-Philosophical Analysis of the Problem of Identity and Diversity in Intercultural Relations]. *Gileya: nauchnyy vestnik*, 88, 241-244.

4. Khlyshcheva, E. V. (2019). Dinamika identichnostey v kul'turnom landshafte Astrakhanskogo regiona: ot etnokonfessional'noy formy k transkul'turnoy [Dynamics of Identities in the Cultural Landscape of the Astrakhan Region: From Ethno-Confessional to Transcultural]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 20(1), 105-122.
5. Khlyshcheva, E. V., Kudryashova, E. V., & Topchiev, M. S. (2019). Spetsifika protsessa identifikatsii v kul'turnom landshafte Astrakhanskogo regiona [The Specificity of the Identification Process in the Cultural Landscape of the Astrakhan Region]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 5(71)(2), 126-136.
6. Kostina, A. V. (2009). Osobennosti identichnosti v granitsakh etnicheskoy, natsional'noy, massovoy kul'tury [Features of Identity within the Boundaries of Ethnic, National, and Mass Culture]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyeye*, 4, 125-131.
7. Li, C. (2025). Linguistic Hybridity and Multigenerational Communication Models in Russian Diaspora Communities in Shanghai. *Environmental Management Issues*, 4(2), 170-182.
8. Morozova, V. S. (2010). Transformatsiya regional'noy kul'tury i formirovaniye novoy sotsiokul'turnoy identichnosti v protsesse mezhkul'turnogo vzaimodeystviya RF i KNR (na primere Zabaykal'skogo kraya) [Transformation of Regional Culture and Formation of a New Sociocultural Identity in the Process of Intercultural Interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China (on the Example of the Trans-Baikal Territory)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye*, 2, 84-91.
9. Morozova, V. S. (2011). K voprosu o transformatsii sotsiokul'turnoy identichnosti naseleniya prigranichnykh regionov RF i KNR [On the Transformation of the Sociocultural Identity of the Population of the Border Regions of the Russian Federation and the People's Republic of China]. *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra*, 9, 108-112.
10. Morozova, V. S. (2013). Transformatsiya regional'noy kul'tury i formirovaniye novoy sotsiokul'turnoy identichnosti v protsesse mezhkul'turnogo vzaimodeystviya RF i KNR (na primere Zabaykal'skogo kraya) [Transformation of Regional Culture and Formation of a New Sociocultural Identity in the Process of Intercultural Interaction between the Russian Federation and the People's Republic of China (on the Example of the Trans-Baikal Territory)]. *Yevraziystvo i mir*, 1(1), 138-146.
11. Ruchkina, G. F., & Skorodumova, O. B. (2011). Natsional'no-kul'turnaya identichnost' v kontekste stanovleniya informatsionnogo obshchestva [National and Cultural Identity in the Context of the Emergence of the Information Society]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii*, 166, 93-97.
12. Shatkin, M. A. (2013). Natsional'naya identichnost' Rossii i dialog kul'tur v sovremennom mire [National Identity of Russia and the Dialogue of Cultures in the Modern World]. *Mezhregional'nyye Pimenovskiye chteniya*, 10, 31-34.
13. Shubin, Yu. A. (2008). Natsional'no-kul'turnaya identichnost' kak resurs preodoleniya krizisnykh yavleniy sovremennogo obshchestva [National and Cultural Identity as a Resource for Overcoming the Crisis Phenomena of Modern Society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 5, 10-12.
14. Vladimirova, D. A., & Zadvomaya, E. S. (2017). Mezhkul'turnyy dialog Rossii i Kitaya: kul'turnaya politika i reprezentatsiya identichnosti [Intercultural Dialogue between Russia and China: Cultural Policy and Identity Representation]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 3, 38-44.
15. Zhapekova, G. K., & Kabylyayeva, S. G. (2022). Protsessy istoricheskoy transformatsii traditsionnoy kul'tury [Processes of Historical Transformation of Traditional Culture]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filosofiya*, 108(4), 40-46.